

Литература
11 класс

I тур

Общее время выполнения работы — 240 минут (4 часа)

Задание 1. Представьте себя в роли исследователя-литературоведа, работающего над созданием словаря литературных терминов. Вам предлагается начало словарной статьи. Закончите ее, стараясь раскрыть суть литературного термина максимально полно, учитывая, какие признаки и свойства описываемого явления еще не отражены в статье, приводя необходимые примеры из теории и истории русской и мировой литературы. *Рекомендуемый объем словарной статьи — 8—10 предложений.*

Аллюзия (лат. *allusio* — намек, шутка) — стилистическая фигура, введение в литературное произведение намека, косвенного указания на какой-либо исторический или художественный факт, закрепленный в литературных текстах или обыденной речи. Аллюзия может соотносить данное произведение с.....

Количество баллов: 15.

Задание 2. Прочитайте фрагмент из статьи Ю.М. Лотмана «Блок и народная культура города». Напишите письмо — ответ исследователю, обосновывая свое отношение к его позиции. *Рекомендуемый объем письма — 8—10 предложений.*

«Блок избегал стихии пошлости городской низовой культуры, а превращал ее в материал своей поэзии. Однако, смело используя ее, он наделял ее символической природой, одухотворял связью с миром значений. Это позволяло Блоку создавать поэтику, одновременно обращенную по сложности своей... к избранному и изоциренному читателю и вместе с тем адресующуюся к такой широкой массовой аудитории, которая была решительной новостью в истории русской поэзии... То, что читатель этот в эпоху между двумя революциями был в первую очередь читателем стихов, что стихи Блока пользовались ни с чем не сравнимой популярностью, подтверждается многими источниками. <...> ...Вырабатывалось повышенное внимание ко всем элементам поэтического слова, культура максимальной насыщенности значениями, которая легла в основу поэтики XX в. Блок был тесно связан с этой атмосферой и, одновременно, в высшей мере ею тяготился. Вырываясь из нее, он стремился окунуться в "простую" культуру города, в городскую массу, в толпу» (Ю.М. Лотман. Блок и народная культура города).

Количество баллов: 15.

Задание 3. Представьте себя в роли составителя сборника избранных произведений «"Жизнь прожить — не поле перейти..." Философские страницы русской литературы». Укажите имена авторов и названия произведений (поэтических или прозаических), которые вы включили бы в этот сборник; кратко обоснуйте свой выбор. Напишите не-

большую вступительную заметку «К читателю», которая могла бы предварять сборник.
Рекомендуемый объем вступительной статьи — 10—12 предложений.

Количество баллов: 15.

Задание 4. Дайте полный развернутый анализ предложенного поэтического текста.

Выполните **Задание 4** в форме СВЯЗНОГО текста, ИНТЕРПРЕТИРУЯ произведение с опорой на его АНАЛИЗ, с учетом известных вам фактов ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

* * *

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что поэзия — дух!
Равнообъемлющий дух. Но поэт
Выберет главное даже из двух.

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что поэзия — плоть.
Что ж не ко всяческой твари поэт
Может гадливость в себе побороть?

Определенья поэзии нет.
Мы бы назвали поэзию — сном.
Что же ты в драку суешься, поэт?
Вправе ли спящий грозить кулаком?

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что поэзия — явь.
Что же ты в драку суешься, поэт,
Трезвому голосу яви не вняв?

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что в поэзии — суть.
Так отчего же — за тысячи лет —
Ей от сомнений нельзя отдохнуть?

...Есть очертанья у туч грозовых,
А у любви и у музыки — нет.
Вечная тайна! Сама назовись!
Кто ты, поэзия? Дай мне ответ!

Кто ты и что ты? Явись, расскажи!
Ложь рифмоплета тщеславия для?
Так отчего же столь горестной лжи
Тысячелетьями верит земля?

Н. Матвеева

Количество баллов: 20.

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»
Олимпиада школьников «Будущее с нами» 2014-2015 уч.г.
Задания очного этапа

Литература
11 класс

II тур

Общее время выполнения работы — 240 минут (4 часа)

Задание. Напишите краткое литературоведческое исследование на тему «**Город в поэзии русского модернизма**». Используйте при построении собственной научной концепции предложенные фрагменты из художественных произведений, а также самостоятельно выбранные примеры.

Количество баллов: 35.

* * *

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Все бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик — преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли —
Всем безумным приют.
В этот город торговли
Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
В дымно-сизый туман...

А. Блок, 1904

* * *

Ночь. Город угомонился.
За большим окном
Тихо и торжественно,
Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звезды.

«Звезды, звезды,
Расскажите причину грусти!»

И на звезды смотрит.

«Звезды, звезды,
Откуда такая тоска?»

И звезды рассказывают.
Все рассказывают звезды.

А. Блок, 1906

ГОРОДУ

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон.
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — не слабеющий магнит.

Драконом хищным и бескрылым,
Засев — ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта, —
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для книг;

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов — орду,
И шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И в ночь, когда в хрустальных залах
Хохочет огненный Разврат,
И нежно пенится в бокалах
Мгновений сладострастных яд, —

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, исступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

Коварный змей с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой,
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам поднимаешь над собой.

В. Брюсов, 1907

ГОРОДА МОЛЧАНЬЯ

В одной из стран, где нет ни дня, ни ночи,
Где ночь и день смешались навсегда,
Где миг длинней, но век существ короче.

Там небо — как вечерняя вода,
Безжизненно, воздушно, безучастно,
В стране, где спят немые города.

Там все в своих отдельностях согласно,
Глухие башни дремлют в вышине,
И тени-люди движутся безгласно.

Там все живут и чувствуют во сне,
Стоят, сидят с закрытыми глазами,
Проходят в беспредельной тишине.

Узоры крыш немymi голосами
О чем-то позабытом говорят,
Роса мерцает бледными слезами.

Седые травы блеском их горят,
И темные деревья, холодея,
Раскинулись в неумолимый ряд.

От города до города, желтея,
Идут пути, и стройные стволы
Стоят, как бы простором их владея.

Все сковано в застывшем царстве мглы,
Печальной сказкой выстроились зданья,
Как западни — их темные углы.

В стране, где спят восторги и страданья,
Бывает праздник жертвы раз в году,
Без слов, как здесь вне слова все мечтанья.

Чтоб отвратить жестокою бедою,
Чтобы отвергнуть ужас пробужденья,
Чтоб быть, как прежде, в мертвенном чаду.

На ровном поле, где сошлись владенья
Различно-спящих мирных городов,
Растут толпою люди-привиденья.

Они встают безбрежностью голов,
С поникшими, как травы, волосами,

И мысленный как будто слышат зов.

Они глядят закрытыми глазами,
Сквозь тонкую преграду бледных век.
Ждет избранный немymi голосами.

И вот выходит демон-человек,
Взмахнул над изумленным глыбой стали,
И голову безгласную отсек.

И тени головами закачали.
Семь темных духов к трупу подошли,
И кровь его в кадильницы собрали.

И вдоль путей, лоснящихся в пыли,
Забывшие о пытке яркой боли,
Виденья сонмы дымных свеч зажгли.

Семь темных духов ходят в темном поле,
Кадильницами черными кропят,
Во имя снов, молчанья, и неволи.

Деревья смотрят, выстроившись в ряд.
На целый год закланы сновиденья,
Вкруг жертвы их — светильники горят.

Потухли. Отдалилось пробужденье.
Свои глаза сомкнувши навсегда,
Проходят молча люди-привиденья.

В стране, где спят немые города.

К. Бальмонт, 1903

Вы, с квадратными окошками, невысокие дома,—
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима!

И торчат, как щуки ребрами, незамерзшие катки,
И еще в прихожих слепеньких валяются коньки.

А давно ли по каналу плыл с красным обжигом гончар,
Продавал с гранитной лесенки добросовестный товар.

Ходят боты, ходят серые у Гостиного двора,
И сама собой сдирается с мандаринов кожура.

И в мешочке кофий жареный, прямо с холоду домой,
Электрической мельницей смолот мокко золотой.

Шоколадные, кирпичные, невысокие дома,—
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима!

И приемные с роялями, где, по креслам рассадив,
Доктора кого-то потчуют ворохами старых «Нив».

После бани, после оперы,— все равно, куда ни шло,—
Бестолковое, последнее трамвайное тепло!

О. Мандельштам, 1924

ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать!
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

О. Мандельштам, 1930

* * *

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг, от века милый,
Всходил со мною на крыльцо.

А. Ахматова, 1929

ПЕТРОГРАД, 1919

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города

И зори родины великой.

В кругу кровавом день и ночь
Болят жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,

За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

А. Ахматова, <1920>

(1)

Вы помните о городе, обиженном в чуде,
Чей звук так мило нежит слух
И взятый из языка старинной чуди.

Зовет увидеть вас пастух,
С свирелью сельской (есть много неги в
сельском имени),

Молочный скот с обильным выменем,
Немного робкий перейти реку, журчащий брод.
Все это нам передал в названьи чужой народ.
Пастух с свирелью из березовой коры
Ныне замолк за грохотом иной поры.
Где раньше возглас раздавался мальчишески-
прекрасных труб,

Там ныне выси застит дыма смольный чуб.
Где отражался в водах отсвет коровьих ног,
Над рекой там перекинут моста железный
полууенок.

Раздору, плахам — вчера и нынче — город ясли.
В нем дружбы пепел и зола, истлев, погасли.
Когда-то, понурив голову, стрелец безмолвно
шеествовал за плахой.

Не о нем ли в толпе многоголосой девичий голос
заплакал?

В прежних сил закат,
К работе призван кат.
А впрочем, все страшней и проще:
С плодами тел казненных на полях не вырастают
рощи.

Казнь отведена в глубь тайного двора —
Здесь на нее взирает детвора.
Когда толпа шумит и веселится,
Передо мной всегда казненных лица.
Так и теперь: на небе ясном тучка —
Я помню о тебе, боярин непокорный Кучка!

(2)

В тебе, любимый город,
Старушки что-то есть.
Уселась на свой короб

И думает поеть,
Косынкой замахнулась — косынка не простая;
От и до края летит птиц черных стая.
В. Хлебников, <1909>

ВЫВЕСКАМ

Читайте железные книги!
Под флейту золоченой буквы
полезут копченые сиги
и золотокудрые брюквы.

А если веселостью песьей
закружат созвездия «Магги» —
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги.

Когда же, хмур и плачевен,
загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен
в фаянсовых чайников маки!
В. Маяковский, 1913

АДИЩЕ ГОРОДА

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светами адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
над самым ухом взрывая гудки.

А там, под вывеской, где сельди из Керчи —
сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечереющем смерче
трамвай с разбега взметнул зрачки.

В дырах небоскребов, где горела руда
и железо поездов громоздило лаз —
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз.

И тогда уже — скомкав фонарей одеяла —
ночь излюбилась, похабна и пьяна,
а за солнцами улиц где-то ковыляла
никому не нужная, дряблая луна.

В. Маяковский, 1913